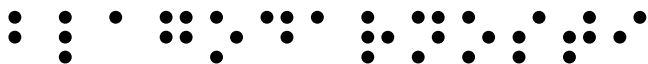

Путь
к
мёду

Благодарности

Огромное спасибо моим бета-ридерам, Эрин Томассон Кэннон и Присцилле Перес. Эрин, ты всегда подбадриваешь меня, когда это необходимо. Присцилла, ты — словно подарок небес. Примите мою благодарность.

Спасибо Кэтлин Рипли за ее редакторские правки. Если что, все оставшиеся ошибки на моей совести (поскольку я не могу удержаться и после окончания ее работы вновь начинаю копошиться в тексте).

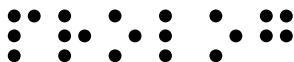
Также благодарю своего корректора, Анжелу Шокли, которая спасла меня от приближающегося дедлайна. Я очень ценю, что ты так терпеливо относишься к моим бесконечным изменениям.

И огромное спасибо Мишель Миеснер, которая, прочитав «Свет между нами», посоветовала написать мемуары Ноя. Она посеяла семя, которое не переставало расти. Эта история появилась на свет только благодаря ей. ♥

Посвящается добрым, великодушным, удивительным читателям романа «Свет между нами». Бесчисленно признаваясь в том, как много значит для вас история любви Ноя и Шарлотты, вы согрели мне сердце. Писателю приятно знать, что его слова тронули чью-то душу, вызвали сильные эмоции или что персонажи его книги остаются с читателями еще долгое время после. Этот роман — знак моей признательности вам за такой потрясающий подарок.

Спасибо всем вам.

Пролог

Больница Ленокс-Хилл, февраль

Шарлотта

Мои шаги отдавались эхом в широком, застеленном линолеумом коридоре, смешиваясь с писком приборов и приглушенными в поздний час голосами, все же слишком громкими на мой взгляд. Больницы — вовсе не места для отдыха. Даже воздух здесь, казалось, пропитан слезами и дезинфицирующими средствами. Я их терпеть не могла. Как же несправедливо, что Ной вновь попал сюда. Он ведь уже миллион раз за все расплатился сполна, даже с избытком.

Вообще-то, меня тоже здесь быть не должно — часы посещения давно закончились. Но медсестры проявили снисходительность. Или испугались, что я устрою сцену. Вероятно, последнее.

Возле его палаты с табличкой «8С» на стене я сделала глубокий вдох, чтобы унять дрожь

и придать уверенность голосу. Иначе Ной сразу бы понял, как я напугана. Ему ведь тоже страшно, пусть он и старался не подавать виду. Но, несмотря на все его попытки подавить страх, запрятать глубоко внутрь, я понимала, что он чувствует. Ну да, мне ли не знать.

И хотя стоял уже поздний час, Ной не спал — лежал с открытыми глазами. Он выглядел бледным и слабым, руки опутали кучи трубочек и проводков. Аппараты отслеживали воздух в легких, температуру тела и частоту сердцебиения.

«Его сердце принадлежит мне, — мелькнула отчаянная мысль. — И бьется с моим в унисон».

Когда я вошла, Ной повернул голову и улыбнулся. Он всегда безошибочно узнавал меня.

— Привет, детка, — устало произнес он. — Сколько сейчас времени?

— Почти одиннадцать. — Я подошла ближе и опустила на пол возле ног тяжелую сумку. — Люсьен отвез всех домой, но утром они вернутся. И Ава тоже.

— Ава прилетит? — скривившись, спросил он. — Боже, какой хаос.

Я поцеловала кончики своих пальцев и коснулась ими складки меж его темных бровей.

— Они твоя семья и не могут держаться в стороне. Так и должно быть.

Ной не возразил, но я-то знала, что он корит себя, как будто сам виноват в безжалостных, непрекращающихся мигренях. Или в том, что упал вчера днем, как марионетка, которой перерезали ниточки.

Он потянулся к моей руке.

Путь к тебе

— Ну а ты? Ступай домой, детка. Поспи немного.

— Черта с два, — беспечно заявила я и скинула туфли.

— Разве часы посещения не закончились?

— Не для меня.

— Могу представить, что случится, если тебя попытаются выставить отсюда. — Ной выдавил улыбку.

— До этого не дойдет. Двигайся, ты занимаешь всю кровать.

Я устроилась рядом и закинула на него поверх одеяла обтянутую джинсами ногу. Потом мы легли лицом к лицу, сплетя пальцы и прижимаясь друг к другу, насколько позволяла узкая койка.

— Шарлотта, ты дрожишь.

— Здесь холодно. Ты заметил, что в больницах всегда царит холод?

Он слегка покачал лежащей на подушке головой.

— Прости, детка. Я не хотел тебя пугать. Именно поэтому ничего не говорил. Или, может, так я боролся с собственным страхом. Не желал признавать, насколько все плохо, чтобы это не стало реальностью, — сухо и мрачно усмехнулся он. — И похоже, был прав. Теперь все кажется чертовски настоящим.

Ной крепко зажмурился, словно боролся с головной болью от очередной мигрени. Он не спешил рассказывать о них, однако за последние месяцы их было слишком много — не считать. Вполне достаточно, чтобы встревоженные врачи назначили на сегодня уйму исследований:

компьютерную томографию, магнитно-резонансную томографию и даже рентген — «просто на всякий случай», — а еще так много анализов крови, что удивительно, как из него не выкачали все до последней капли.

Все близкие Ноя опасались, что результаты окажутся плохими, и этот страх еще крепче связывал нас вместе. Не дай бог, снова потребуется операция или, может, еще одна трепанация черепа. Лишь от одной мысли об этом бросало в дрожь.

А ведь это еще не самое страшное. В конце концов, существовали гораздо худшие диагнозы. Аневризма. Поражение головного мозга. Опухоль. И над всем этим нависал ужасный призрак, о котором страшно было даже думать — коварный жадный вор, столь много крадущий у мира и никогда полностью не удовлетворенный.

— Ты не виноват, что испугался, Ной, — проговорила я. — Никто не станет тебя осуждать.

— Ну да. И все же следовало сказать раньше. Просто я не хотел сюда возвращаться. Мне и так хватало.

— Знаю. — Я прижалась губами к его пальцам. — Но в этот раз все иначе. С тобой все будет хорошо.

Он кивнул, хотя мы оба знали, что мои слова — всего лишь ободряющее пожелание.

— У меня хорошие новости, — радостно сообщила я. — Юрий прислал с курьером отпечатанную рукопись твоей книги. Так что ты сможешь взять ее в руки и почувствовать тяжесть.

— Она ведь еще даже не закончена, — нахмурился Ной.

Путь к тебе

— Думаю, так он пытается тебя подбодрить. — Я сжала его руку. — Это так волнующе. Лен Гордон всерьез уцепился за эту идею! Но я бы радовалась сильнее, разреши ты мне ее прочитать...

— Она еще не закончена, — повторил Ной, и я перевела на него взгляд. Ни волнения, ни возбужденного трепета, скорее уж злость или страх. А может, и то и другое, вместе взятое, причем неясно, чего больше. — Я хочу закончить книгу, прежде чем ее прочтешь ты или кто-либо другой. Вот только у нее нет конца. — Он посмотрел прямо на меня карими глазами и еще сильнее сжал мои ладони. — Я не вижу финала, Шарлотта. Как все закончится?

— Хорошо, — уверенно подсказала я. — Конец будет счастливым, Ной.

— Я так устал, детка. — Он закрыл глаза, прекращая бесплодные попытки что-либо рассмотреть. — И хочу спать.

Я кивнула и поцеловала его в губы.

— Конечно, — согласилась я, хотя предпочла бы, чтобы он не умолкал и продолжал говорить со мной, пока не почувствует себя лучше.

Тут же пришло болезненное осознание: мне нечего ему сказать. Я не представляла, как можно помочь.

Он погрузился в сон, — хотелось бы надеяться, спокойный и не нарушаемый болью, — а я просто лежала рядом и наблюдала за ним, смотрела на наши переплетенные пальцы и всеми силами гнала от себя мысли, как все повернется дальше. О тысячах возможных слов, способных поутру сорваться с уст доктора.